Он долго сидел с мертвыми глазами. Так много людей погибло. Даже их хозяин, Накатане, был мертв. Какой путь вперед был от этого?

Солнце грело ему затылок, делая его мысли еще более пустыми. Он был благодарен за это, так как это позволяло ему отгородиться от своих мыслей. Он огляделся - невидящий и бесчувственный - на всех, кто остался.

Судя по их виду, даже они не выживут. Грудь Морохиры превратилась в месиво из пулевых отверстий и колотых ран – удивительно, что он еще дышал. Эти раны нужно было немедленно закрыть и очистить, иначе они могли заразиться.

Роккаку рядом с ним был в еще худшем состоянии, и некоторые раны все еще кровоточили. Большинство из них предпочитали не смотреть на свои собственные тела, учитывая, насколько сильно они были избиты. Воистину, то, что они остались живы, было вопросом удачи. Всего 11 человек из 130.

Но не то чтобы это имело значение. Это были их последние часы. Их последняя борьба. Здесь не было ни дороги вперед, ни тропинки через непроходимые горы. Вот где все их усилия оставили их. В Тихом травянистом поле, где солнце согревало их спины, когда они переходили в другой мир.

Он откинул голову назад и вяло посмотрел на голубое небо над головой.

- Ах…

Он вздохнул, удивляясь неожиданной красоте. Маленькие насекомые использовали его пальцы в качестве каркаса для лазанья, а он оставался таким неподвижным, что казалось, будто он уже мертв.

-Миура… Миура…

Он обернулся и увидел, что Дзикодзи подошел к нему. Он посмотрел на его старое лицо, на кровь, запекшуюся на его бороде, и на мгновение задумался, как же это старейшему из них удалось выжить. Но он больше не думал об этом, потому что был рад, что эти глаза еще сохранили жизнь.

-Дзикодзи-Сан…

Пробормотал он с болью, как будто это было далекое воспоминание, подхваченное мимолетным ветерком. Он заметил, что его губы продолжают шевелиться, но он едва переваривал слова, которые произносил. У него не было ни энергии, ни мотивации для чего-либо. Все было кончено.

-...есть...для...

Обрывки речи проносились в его голове. Он мог бы повернуться, чтобы лучше расслышать слова, но боялся боли, которую принесло бы такое движение.

Он не хотел слушать, что скажет Дзикодзи. Он боялся это услышать. С ним было покончено. Он слишком устал. Он и слышать не хотел о своих обязанностях. Ему хотелось уплыть и немного отдохнуть.

Он повернул голову и увидел Китаджо, который нянчился с ужасной раной в верхней части бедра. Это выглядело болезненно, и он видел, что молодой парень стиснул зубы. Но когда их глаза встретились, он все еще улыбался в его сторону.

Улыбка вызвала легкое тепло в его сердце, когда его мозг попытался вспомнить что-то важное. Искра жизни промелькнула в нем, заставив его разум прийти в движение.

- Нет... я отказался от общества... я не могу вынести эту боль... ты ничего не можешь сделать ... ты ничего не можешь сказать.

– Миура... Миура, посмотри вверх, парень. Посмотреть вверх.

Слова просочились в его восстановленный разум - который все еще был так огрублен тяжестью смертей - и он едва их заметил. Больше всего на свете ему хотелось не обращать на них внимания, свернуться калачиком и ждать, когда придет смерть. Ему больше нечего было защищать – не было смысла продолжать.

- Давай же. Давай, посмотри вверх.

Он осмелился, но все, что он видел, это вид его раненых товарищей, которые доверяли ему, и в конце концов они были ранены так сильно, потому что он позволил себе быть отданным на милость кого-то более могущественного, чем он.

Он встретил их взгляды, от Роккау до Сасаки, вплоть до крестьянина асигару, с которым он не был знаком. Все они встретили его взгляд и улыбнулись.

- Ты видишь, Миура Тадаката? В их глазах все еще есть жизнь. Несмотря на все, что произошло. Мы все потеряли товарищей, юноша, но сейчас не время умирать.

Он попытался дать ему совет, и тепло начало заглушать холод, и попытался проникнуть в его сердце, он вспомнил сны о пламени, которое вдохновляло его, но теперь все, что осталось, были слабые искры.

Он повернулся к Аритаде и с грустью посмотрел на заплаканное лицо мальчика. Он потерял друга детства, того, кто был рядом с ним каждый день его жизни – ближе, чем родной брат. И все же он заставил себя улыбнуться, а голову опустить в знак согласия.

- Мне кажется, я знаю, что творится в твоей голове, мальчик. Но поймите правильно – это не ваша вина. Это не твое бремя, чтобы нести его. Но есть еще кое-что, за что я требую, чтобы вы взяли на себя ответственность.

Его голос стал жестче к последней части, пронизанной властностью, заставив Генге посмотреть на него напряженно и выжидающе.

- Я требую, чтобы ты взял на себя ответственность за наши жизни. Именно благодаря тебе мы все еще жили. Имагава приговорил нас к смерти, но под твоим руководством мы развязали хаос и поговорили с дьяволом, только чтобы остаться в живых по сей день.

Он посмотрел на него сверху вниз. Значит, это его вина, что они здесь и сейчас страдают?

- Однако не поймите меня превратно. Наша жизнь построена на горе многих жертв, и для вас отвернуться сейчас значило бы назвать их усилия бессмысленными. Именно благодаря их могуществу мы можем говорить так.

- …Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Он говорил шепотом, так как ему было больно говорить, но больше всего это напоминало ему о том, что он присутствовал в данный момент, и это было последнее, что он хотел испытать.

- Бери инициативу на себя, мальчик. Ответственность – это ваше дело.

Взять на себя инициативу? Разве это не должно быть честью, а не такой тяжелой ответственностью? Но потом он посмотрел на состояние каждого из них. Они не были людьми, готовыми к действию. Вести их за собой означало заботиться о них, помогать им твердо стоять на смертных равнинах.

Но почему такая задача должна была выпасть на его долю?

- Именно этого и хотел бы Накатане. Он провел всю свою жизнь в поисках свободы и безопасности от сил свыше, чтобы его дочь, Акико, не испытывала того же угнетения, которое он испытывал от рук Тоды.

-А… Акико.

В его голове мелькнуло лицо, и он сжал пальцы. Как же он хотел ее видеть! Но казалось, что

она была так далеко – даже в другом измерении. Он даже не мог начать созерцать расстояние.

- Для него это было невозможно. И для меня это было невозможно. Так было, пока не появился ты.

- Именно благодаря вашим талантам мы вообще смогли завести этот разговор. И если бы когда-нибудь нашелся более подходящий человек, чтобы возглавить нас, то этот человек, несомненно, завоевал бы весь мир.

Он смотрел на лица мужчин, пока Дзикодзи говорил. Они ответили ему взглядом, и в этих глазах он не увидел и намека на несогласие.

- Но почему? Почему ты так высокого мнения обо мне? Я... я-ничто.

Эти слова, которые он произнес в своем сознании, вызвали к жизни воспоминание – воспоминание из прошлой жизни.

Он сидел там, в своей единственной грязной комнате, глядя на все, что у него было, вдыхая сырость, исходившую от осыпающихся стен.

Именно тогда, в возрасте 21 года, он понял, что он ничто. Его жизнь, которую все считали такой многообещающей со школьной скамьи, судя по результатам тестов, которые он получал, сводилась к этому.

Он был глуп. Он сделал этот интеллект своей личностью, но он был бесполезен без власти и положения, чтобы поддержать его. Это был пустой ветер.

И в этот момент он сжал кулак и поклялся стать кем-то. Подпитываемый гневом – гневом на самого себя, гневом на окружающий мир – он начал изнурительный подъем к вершине.

И когда он добрался туда, то понял, как там холодно.

- Миура.

Дзикодзи – с огромным усилием и сильной болью – встал перед ним на одно колено и вытащил из ножен окровавленный меч.

Он поднял его обеими руками, склонил голову и протянул Генге.

- Пожалуйста, примите мою преданность. Пожалуйста, примите мои услуги. Если ты поведешь нас, я знаю, что мы сможем отомстить за Накатане и сохранить жизнь семье Нива.

Генге посмотрел на него сверху вниз, его глаза расширились от удивления. Он взглянул на меч, который был весь в крови. У старика еще не хватило сил почистить его. Такие церемонии обычно совершались с предельной чистотой. Но так или иначе, это было гораздо более уместно. Гораздо честнее. Когда они оба были покрыты собственной кровью, кровью тех, кого они убили, и покрыты засохшей грязью - это было почти метафорически для дороги, по которой им предстояло идти.

" Это... это совсем другое дело."

-Подумал он, глядя на человека, который так настойчиво предлагал ему свой меч.

"На этот раз я не один... не один. Так что, возможно... возможно, наверху будет не так холодно."

А потом он взял меч за рукоять и встал, его лицо преобразилось, когда он вспомнил этот свой огонь.

- Этот мир... величайшей ошибкой было пренебрежение ко мне. Имагава... Окабе. Вы еще не готовы. Вы не знаете этого человека. - Нет! Люди, которые стояли перед тобой. Ты посмел – ты, черт возьми, посмел – относиться к нам легкомысленно.

- Прежде чем закончится этот год, я оторву голову Имагавы от его плеч. Я пошлю Окабе ползать со змеями, на которых он так похож. А рядом с тобой я буду преследовать истинный хаос – истинное столпотворение, и сожгу Микаву дотла. Как вы думаете, этого достаточно?

- Нет! Отнюдь, Миура! Мы должны отобрать у них все, что им дорого! Позволь им испытать то, что мы чувствуем... чтобы... чтобы Еритомо мог спокойно отдохнуть.

Аритада встал и страстно заговорил, прежде чем опуститься на колени перед Генге и сделать то, что сделал Дзикодзи.

- Пожалуйста! Миура, прими мой клинок! Позвольте мне добиться справедливости!

- Мы окрасим реки в красный цвет их кровью, Аритада. Они не знают, кого оскорбляют.

Подтвердил Гэнге, принимая его преданность.

- Склоняюсь перед собственным сыном... ха, кто бы мог подумать? Масаацу гордился тобой, Тадаката. Очень горжусь. Я никогда не видел, чтобы он так улыбался, как тогда, когда сражался на вашей стороне. Позвольте мне присоединиться к вам, чтобы я мог отрезать голову Имагавы от его гребаных плеч.

Морохира присоединился, протягивая свой сломанный клинок. Он был сломан и искорежен, как и они. Но он все еще был более чем способен лишить жизни тех, кто причинил им зло.

-Нииро-Сан бы это понравилось…

Печально сказал Китадзе, с трудом поднимаясь на колени, несмотря на причиняемую боль. У него не было оружия, но в этих пустых руках он отдал свою жизнь.

- Позволь мне сражаться за Нииро-Сан, Миура.

- Мой меч уже некоторое время принадлежит тебе, - начал Тогаши. - Но позвольте мне предложить его вам еще раз. У меня нет ни дома, ни семьи, о которой можно было бы говорить. Но я чувствую твои обиды так же сильно, как и свои собственные. Давай свершим правосудие, Миура.

Вскоре все они предложили ему свои мечи. На него они возлагали свои надежды. Даже те трое, которые не были из его отряда – даже они признавали его достижения и верили в его шанс на успех.

http://tl.rulate.ru/book/33825/1101576